

- ³⁵ Подробнее об этом стихотворении см.: *Тименчик Р. Д.* Ахматова и Пушкин (Разбор стихотворения «Смуглый отрок бродил по аллеям...») // Ученые записки Латвийского университета. Т. 106. Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 124–131.
- ³⁶ В рецензии на «Четки». См.: *Гумилев Н. С.* Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М., 1991. С. 141. Ср. с итоговой констатацией Р. Д. Тименчика: «Одним из наиболее бросающихся в глаза читателям 1910-х годов признаков ахматовской поэзии была “мозаичность” — разорваны смысловые связи между отдельными стихотворениями в сборнике» (*Тименчик Р. Д.* Послесловие // Ахматова А. А. Десятые годы. С. 263).
- ³⁷ Цит. по: *Мандельштам О. Э.* Камень (серия «Литературные памятники»). Л., 1990. С. 279. Подробнее о «Камне» с этой точки зрения см.: *Лекманов О. А.* О трех акмеистических книгах. М. Зенкевич. В. Нарбут. О. Мандельштам. М., 2006.
- ³⁸ *Кузмин М. А.* Предисловие // Ахматова А. А. Вечер. Стихи. С. 7.

Владимир Емельянов
(Санкт-Петербург)

Знал ли Александр Иванович халдейский язык?
(Об источниках стихотворения А. Тинякова
«Тукультипалешарра I»)¹

Стихотворение А. И. Тинякова (Одинокого) «Тукультипалешарра I» было опубликовано в первом сборнике поэта «*Navis nigra*» (М.: Гриф, 1912. 72–73, ком. 90–91; Тиняков, 1998, 59), в пятом цикле «Славословия». На сегодняшний день известен его единственный вариант.

ТУКУЛЬТИПАЛЕШАРРА I
(Царь Ассирии около 1130 г. до Р. Х.)

О, Тукультипалешарра!
Сын губительной Иштар,
Блеск багряного пожара,
Властелин жестоких чар!
Как вулкан свирепо мечет
Тучи пепла, глыбы лав,
Так людей на поле сечи
Ты бросал, войны взалкав.

Ты карал их, ты разил их,
Щедро сыпал труп на труп,
Пировал на их могилах
И точил свой львиный зуб.
Двадцать пять твердынь разрушив
Во враждебной Курхиэ, —
Ты смирил навеки души
В обезбоженной земле.

Страны дальние Наири
Троекратно покорив,
Над руинами в порфире
Стал ты, грозен и красив.

Отдаленным поколениям
Буквы, острые, как нож, —
О тебе поют — и пеньем
Будят в сонных душах дрожь.

О, Тукультипалешарра!
Славя блеск твоих побед,
Шлю я грозному удару
Эхо слабое в ответ!

Внук Мутакильнуску гневный!
Сын губительной Иштар!
Не отринь мой стих напевный —
Вечной славе скромный дар!
24 января 1912 г.
Пирожково

Стихотворение это не может не привлечь ассириолога узнаваемыми образами и строками из большого цилиндра ассирийского царя Тиглатпаласара I (1115–1077 гг. до н. э.), ставшего первым текстом, адекватно прочтенным дешифровщиками аккадской клинописи (IR, pl. IX–XVI. RP I, 86–121). Перевод цилиндра Тиглатпаласара I, сделанный Г. Раулинсоном, В. Тэлботом, Э. Хинксом и Ю. Оппертом, был признан удачным 25 мая 1857 г. в резолюции Королевского Азиатского общества Британии, с него начала свою академическую историю наука ассириология. Надпись Тиглатпаласара I никогда не переводилась полностью на русский язык (фрагменты см. Дьяконов, 1951, 270–278). Тем удивительнее читать стихотворение второстепенного поэта Серебряного века, цитирующего довольно близко к тексту некоторые ее фрагменты. Неизбежно возникает вопрос об источниках стихотворения и о степени близости автора к клинописному оригиналу.

Для такого странного вопроса — знал ли поэт клинопись и аккадский язык — у нас есть все основания. Дело в том, что Георгий Иванов в своих мемуарах 1920-х гг. дважды дает прямое указание на этот факт². В рассказе «Александр Иванович» Тиняков признается Иванову: «Я по-французски тогда не понимал, а жаль. Потом уже не то что по-французски — по-халдейски обучился, но, конечно, без всякого толку» (Иванов, 1994, 3, 391–399). А в рассказе «Человек в рединготе» есть такая любопытная сценка (в квадратных скобках дается версия первого варианта, где упоминается данное стихотворение):

На эстраде «Физы» между пальмой и роялем стоял мой «знакомый» с «Поплавка». Он был гладко выбрит, аккуратно причесан, кажется, он даже улыбался. Сюртук его имел самый обыкновенный буржуазный вид. Когда я вошел в залу, он только что кончил стихотворение. Ему достойно похлопали — он достойно раскланялся.

Да тот ли это?

[Но вот он снова стал читать и, услышав голос, нельзя было сомневаться. Он, конечно. Читал он какую-то благопристойную модернистскую чушь, стилизованное что-то:

О Тукультипалишера,
О царь царей, о свет морей...]

И эстетической благонаправленной публике «Физы» нравилось, по-видимому, — «высокий стиль» здесь особенно ценили.

— Кто это? — спросил я у фон А., того самого камер-юнкера, в чьей поэме героя звали Физой³.

Фон А., лохотный молодой человек с моноклем и пробором, посмотрел на меня с удивлением.

— Как? Вы не знаете? Восходящая звезда. Тураев в восторге. Бодуэн де Куртенэ без ума. Удивительная эрудиция, редкая разносторонность. Его исследование о елизаветинцах...

Он назвал мне фамилию, которую я мельком слышал как имя подающего надежды молодого ученого. Вот уж не ожидал.

— Кажется, он скандалист какой-то? Из распутинского окружения?

Фон А. замахал руками.

— Какой вздор. Кто вам сказал? Ученейший человек, э... э... э... светлая голова. Мы специально его пригласили в будущую субботу. Он нам прочтет доклад об ассирийских мифах — он ведь знаток э... э... э... и ассириологии. Удивительная разносторонность. И откуда вы взяли, что он распутинец? Напротив, он кажется, э... э... э... в связи с революционерами.

(Последние новости, 17.02.1927. Иванов, 1994, 3, 400–407).

Если поверить мемуаристу, получается, что поэт, не кончивший гимназического курса, не получивший университетского образования, знал халдейский (т. е. аккадский) язык, читал клинописные тексты, и его эрудиция вызывала восхищение великого Б. А. Тураева — египтолога и эфиописта, историка Древнего Востока, владевшего также и аккадским языком.

У кого же Тиняков мог учиться клинописи?

Посещал ли лекции Тураева вольнослушателем?

Консультировался ли с Коковцовым или с Шилейко по поводу трудных мест ассирийской надписи?

Вопросов возникает множество, а ответ на них может быть получен только после тщательного анализа всех источников, использованных поэтом при написании своего стихотворения.

Долго искать источники вдохновения Тинякова не пришлось. Он указывает их сам в комментарии к стихотворению в сборнике «Navis nigra» (Тиняков, 1912, 90), и в Тетради 9⁴, где описывает и историю своего стихотворения (Тиняков, 1998, 297–298). Если теперь соединить комментарии и запись в тетради, получим следующий связный рассказ.

Сперва поэт перечисляет различные варианты имени ассирийского царя, вычитанные им из русскоязычных источников:

Феглаффелассар — Библия (IV Цар XV 29; 2 Пар XXVIII 20).

Тугултипалесарра — *Масперо Ж.* Древняя история народов Востока. М., 1895. С. 296.

Тиглатпалассар — *Бецольд К.* Ассирия и Вавилония. СПб., 1904. С. 38.

Тиглад-Палассар — *Тамашев М. И.* Очерки по истории и культуре ассиро-вавилонян. СПб., 1902. С. 56.

Тукультипалешарра — *Рагозина З. А.* История Ассирии. СПб., 1902. С. 51.

Туклат-Хабал-Азар — *Беккер К.* Древняя история. СПб., 1890. Ч. 1. С. 63.

Тиглат-Пилезар — *Сэйс А.* Ассиро-вавилонская литература. СПб., 1879 (с. 9).

Тиглат-Пилесар — *Шлоссер Ф.* Всемирная история, т. 1. СПб., 1861. С. 50.

Далее следует история стихотворения (в квадратных скобках — данные Тетради 9):

«[Мысль воспеть в стихах Тукультипалешарру I явилась у меня давно, и я впервые выполнил ее еще в апреле месяце 1907 г.⁵; написав коротенькое стихотворение об ассирийском царе. Валерий Брюсов, разбирая мои стихи в мае месяце 1910 г. — признал стихотворение недурным, но "недостаточным". В последнее мое стихотворение оттуда не перешло почти ничего <...> Иштар — у ассирийцев была богиней любви и войны; в одной из надписей Тукульти-Палешарры она называется: "первороденная богов, свирепствующая в битвах". Она перешла к финикиянам под именем Ашторет и к Эллинам под именем Астарты.] В 3-й и 4-й строфе я говорю о походе Тукультипалешарры в страну Хариа и о победе над жителями Курхиэ, о чем он сам рассказывает так: "Я карал их, я разил их как диких зверей и усеял землю их трупами, я занял их города, я унес их богов" и т. д. (Масперо, 296). В 5-й строфе я говорю о походе царя в страны Наири, заключавшие в себе нынешнюю Армению и горные страны к югу от озера Ван. [В честь этих походов царь приказал поставить свое изваяние на скале, близ одного притока Тигре, и сделать соответствующую надпись.] Мутакильнуску — дед царя (ок. 1160 г. до Р. X.); отца же героя звали Ашшур-ришиши» (Тиняков, 1912, 90–91; Тиняков, 1998, 297–298).

Исследователю остается только проверить все указанные источники на предмет выявления в них материалов для стихотворения. Удобнее всего будет свести найденные аналогии в таблицу.

Заголовок и строки	Источники
ТУКУЛЬТИПАЛЕШАРРА I	«Помощью Ашура, Шамаша, Раммана, великих богов, моих владык, я, Тукульти-Палешарра, сын... (следуют имена его отца и деда с их титулами), — завоевавший земли от Большого Западного моря (Средиземного) до моря Земель Наири (озера Ван), в третий раз вторгся в земли Наири» (Рагозина, 1902, 51). Также имя царя в варианте Тукульти-Палешарра см. на с. 9, 52.
(Царь Ассирии около 1130 г. до Р. X.)	«Его два преемника, Мутаккилнуску и Ассуррисиси, были еще счастливее его» (Масперо, 1895, 294). «Цари ассирийские: Мутаккилнуску (ок. 1170), Ассуррисиси (ок. 1150), Тугултипалесарра (ок. 1130)» (Масперо, 1895, 300).
Сын губительной Иштар	«Иштар, перворожденная богов, свирепствующая в битвах» (Рагозина, 1902, 9)
Ты карал их, ты разил их, Щедро сыпал труп на труп. Двадцать пять твердынь разрушив Во враждебной Курхиэ, — Ты смирил навеки души В обезбоженной земле	На следующий год, в то время, как часть его отрядов перешла Малый Заб и успешно производила набеги в городах Курдистана, Тугултипалесарра пошел войной на жителей Хари и на войска Курхиэ, «в непроходимые леса, куда еще ни один царь не заходил...». Эта экспедиция привела царя в самую середину горных высот Армении. Он разбил там жителей Курхиэ и взял 25 городов в стране Хари. «Я покрыл развалинами округи Сарауса и Аммауса, с незапамятных времен никому не подчинявшиеся. Я померялся силами с их армией у горы Арума; я карал их; я разил их, как диких зверей, и усеял землю их трупами; я занял их города, я унес их богов; я взял их в плен, я овладел их имуществом и драгоценностями; я предал их города пламени, разрушал и уничтожал их, я обратил их в развалины и мусор, я наложил на них тяжелое иго моего владычества и в их присутствии воздал благодарственные почести богу Ашшуру, моему повелителю» (Масперо, 1895, 296)
Страны дальние Наири Троекратно покорив... Внук Мутакильнуску гневный	После победы над Наири Тугултипалесарра воздвиг себе победный памятник у одного из источников Тигра. «По воле Асура, Салгаса и Раману, великих богов, моих повелителей, я, Тугултипалесарра, царь страны Ассур, сын Ассуррисиси, царя Ассурского, сына Мутаккилнуску, царя Ассурского, победитель народов от великого моря до страны Наири, я в третий раз покорил страну Наири» (Масперо, 1895, 299). «Помощью Ашура, Шамаша, Раммана, великих богов, моих владык, я, Тукульти-Палешарра, сын... (следуют имена его отца и деда с их титулами), — завоевавший земли от Большого Западного моря (Средиземного) до моря Земель Наири (озера Ван), в третий раз вторгся в земли Наири» (Рагозина, 1902, 51).

Мы видим, что источниками вдохновения для поэта являются всего две научно-популярных книги на русском языке — Масперо и в меньшей

степени Рагозина (литературу мог подсказать и Брюсов после первой неудачной попытки автора прославить ассирийского царя в 1907–1910 гг.). Ни о каком знании не только клинописи, но хотя бы европейских изданий речь не идет.

На стихотворении Тинякова стоит неизгладимая печать одной эпиграфической ошибки Г. Масперо. Этот великий египтолог пользовался очень старыми чтением топонимов, а клинописи не знал. Поэтому в его книгу вкралось неверное чтение «Курхи» топонима, написанного знаками Kur-hi-e. Этот топоним в транскрипции следует читать Курхе (сочетание hi-e читается he). Такая ошибка встречается только в транскрипции первых дешифровщиков и в цитированной книге Масперо, во всех остальных изданиях конца XIX в. читают правильно: Kurhe, Qurhe. Следовательно, не может быть никакого сомнения, что Тиняков сделал главным источником стихотворения именно «Древнюю историю» Масперо.

Остальные строки, не попавшие в таблицу, с древней историей не связаны, но расшифровываются не менее просто. «Блеск багряного пожара, властелин жестоких чар» — разумеется, отсылка к брюсовской строфе из «Фонариков», заключающей обобщенную цветовую идею Ассирии как багряной, кровавой культуры:

Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.

Однако и у Брюсова, и у Тинякова багряный свет Ассирии вполне мотивирован переводами самих ассирийских надписей, где многократно говорится о предании огню враждебных ассирийцам городов. О пиршестве на могилах ассирийские источники не упоминают. «Точил свой львиный зуб» — переключка с К. Д. Бальмонтом, написавшим в начале прошлого века:

Ассирийцы, так же, как и древние Иудеи, живописны в своем упоении кровью, битвами, издевательствами над побежденным врагом. Все в словах Ассириянина выпукло, наивно в жестокой грубости, полновесно, как топор. Живопись Ассирийская, и стенные их украшения, это летопись крови, легенда убийства, узор войны, охоты и палачества. И вся Ассирия, в историческом лике своем, есть излюбленная фигура, созданная Ассирийским искусством: лев, пронзенный копьем, и в последней ярости бессильно грызущий древко пронзившего его копья⁶.

Как для Брюсова Ассирия красна, так для Бальмонта она львина. И оба этих раннесимволистских образа вошли в стихотворение поэта-эпигона Тинякова.

Немного сложнее дело обстоит с вулканической строфой:

Как вулкан свирепо мечет
Тучи пепла, глыбы лав,
Так людей на поле сечи
Ты бросал, войны взалкав.

Но здесь на помощь приходит второе стихотворение, написанное Тиняковым 24–25 января 1912 г., т. е. одновременно с данным. Называется оно «Вулканы острова Гавайи» (Тиняков, 1912, 73–74) и в нем есть следующие строки:

В глубоких безднах ваши корни,
Их первозданный греет жар, —
Но с каждым веком вы покорней
Суровой власти смертных чар.

Здесь, как можно заметить, похожее сочетание «жар–чар» (в анализируемом стихотворении «пожара–чар»). Видимо, вулкан пришел в стихи о Тукультипалешарре из параллельно писавшегося стихотворения о вулканах. С образами клинописной надписи он не связан.

Над руинами в порфире
Стал ты, грозен и красив.

Чистая риторика, не значащая ничего. Ассирийские цари носили пурпурные одеяния только во дворце во время церемоний, но не при военных походах. Однако вторая строка напоминает о брюсовском «Ассаргадоне»: «И вот стою один, величьем упоен...»

Более интересна следующая строфа:

Отдаленным поколениям
Буквы, острые, как нож, —
О тебе поют — и пеньем
Будят в сонных душах дрожь.

Как раз эта-то строфа и показывает нам, что Тиняков считал клинописные словесно-слоговые знаки буквами, а значит — не только не умел их читать, но не имел даже первичной информации об их природе. Иначе он написал бы «знаки, острые, как нож», или что-то подобное. При этом сами клинописные знаки он, несомненно, где-то видел.

Нет никакого сомнения, что Тиняков не понимал и того, что прочел в книгах Рагозиной и Масперо. Отдельного комментария достойна строка:

Ты смирил навеки души
В обезбоженной земле.

Так поэт понял перевод строки, где говорится, что царь унес богов покоренных им стран. Для Тинякова этот унос богов означает «обезбоживание территории» (в каком смысле — в атеистическом? Непонятно). На самом же деле похищение чужих богов означает присоединение территории, прежде управлявшейся этими богами, под власть богов Ассирии. После похищения на статуях чужих богов писали имя бога Ашшура, а затем отдавали их покоренным народам под залог ежегодно выплачиваемой дани. Обо всем этом он мог прочитать в книге Рагозиной: «Один из оставшихся в живых князей, по имени Лаилиэ, сначала бежал от неприятельского вторжения, но, услышав о похищении «своих богов», совершил невероятный подвиг: он пошел следом за царем до самой Ниневии, с тем чтобы вымолить их у победителя, ценой своего подданства. Асархаддон, от природы склонный к мягкости, «пожалел его и предложил ему братское свое расположение». Он возвратил ему похищенных богов, приказав, однако, сделать на них надпись о взятии их в плен, с восхвалением «мощи Ашура, Господа своего». Не довольствуясь этой милостью, царь одарил своего нового вассала всем только что завоеванным княжеством Базу, конечно потребовав с него присягу и дань»⁷.

Ни о каком смирении душ и речи быть не может. Слово «душа» в ассирийских надписях семантически тождественно слову «жизнь», «спасти свою душу» значит ровно то же, что мы называем «спасти свою шкуру», т. е. речь идет только о дыхании как внешнем проявлении жизни, а не о душе как нематериальной субстанции. Тиняков ничего этого не знает и понимает информацию о похищении богов покоренных стран как «обезбоживание» этих стран, т. е. вечное оставление душ без богов.

Последние две строфы объясняют, почему стихотворение об ассирийском царе помещено в цикл «Славословия». Оно прославляет блеск побед и грозный удар Тиглатпаласара I, находясь в брюсовской традиции воспевания гордости, одиночества и смерти.

О, Тукультипалешарра!
Славя блеск твоих побед,
Шлю я грозному удару
Эхо слабое в ответ!

Внук Мутаккильнуску гневный!
Сын губительной Иштар!⁸
Не отринь мой стих напевный —
Вечной славе скромный дар!

Исследователь творчества поэта Н. А. Богомолов справедливо замечает, что «именно по брюсовскому пути попытался он пойти в литературе, но в силу естественного для эпигона стремления доводил все то, что вычитывал у мэтра, до логически возможного предела <...> если речь заходила о “научной поэзии”, теория которой была заимствована Брюсовым у Рене Гиля, то стихи превращались в скопище малоизвестных фактов, имен, терминов»⁹. Цикл «Славословия» предваряется эпиграфом из В. Я. Брюсова: «И всем богам я посвящаю стих». В цикле есть посвящения индоиранскому божеству Бушьянкте (Тиняков, 1912, 64), семитской Лилит (66), американскому богу-пауку Миктлантекутли (67). Все без исключения посвящения древним богам пронизаны темой смерти, мрака и удушья.

Бушьянкта (64)

Мне сладко быть гробницею посевам
И не рождать питающих семян.

Лилит (66)

(1 стр) И в мозгу у меня паучиха
Снова черное кружево ткет.
(4 стр) Ты пришла из далекой Халдеи¹⁰,
Ты всплыла из умершей души...
О, как черны волос твоих змеи,
Ими сердце мое задуши!

На шабаше (70–72)

Ужас давит, тьма печалит,
Я одна средь мертвецов.

В общем контексте цикла панегирик Тиглатпаласару I также является прославлением ужаса смерти и вечной славы победителя — в полном соответствии с эстетической программой учителя поэта В. Я. Брюсова, заданной еще в стихотворении 1897 г. «Ассаргадон».

Вернемся теперь к нашим вопросам. В «Отрывках из моей биографии» Тиняков пишет: «С 1903 г. по 1912 г. я проводил часть времени в Москве и Орле, часть в имении своего отца или в имении дяди Михаила Максимовича...»¹¹. Мы знаем, что только после выхода первой книги поэт переезжает в Петербург. Следовательно, он не мог до конца 1912 г. жить в Петербурге, посещать занятия у Тураева или, к примеру, читать клинопись вместе со студентом-второгодником Шилейко в семинарах у П. К. Коковцова. Еще менее вероятно его знакомство в ту пору с Бодуэном де Куртенэ (впрочем, оно за скобками нашего вопроса). Среди источников, указанных самим поэтом в качестве материалов к стихотворению, труды Тураева и Коковцова также отсутствуют. Анализ сти-

хотворения, проведенный нами, недвусмысленно показывает, что Тиняков не имел даже первоначального представления о том, как устроена клинопись, хотя и видел острые клиновидные знаки (вероятно, в каких-нибудь журналах). Все фрагменты надписи ассирийского царя прочитаны им в русскоязычных научно-популярных книгах и не дополнены каким-либо специальным знанием. То же самое можно сказать и о комментариях: в них цитируются те же издания. Стихотворение «Тукультипалешарра I» мотивировано подражанием брусовско-бальмонтской эстетической программе, т. е. желанием прославить всех древних богов, но оно не связано с каким-то более глубоким интересом Тинякова именно к ассириологии.

Что же мы теперь можем сказать о свидетельствах Г. Иванова? Мемуарист описывает события второй половины 1910-х гг., время распутищины. В эту пору Тиняков уже несколько лет как живет в Петербурге, и на это время вполне могли прийти его знакомства и с Тураевым, и с Бодуэном де Куртенэ, которым он мог показывать свои стихи, написанные ранее, и к которым мог ходить на лекции. Не исключено, что в 1915–1916 гг. Тиняков уже владел какими-то азами клинописи и халдейского языка. Но все это могло случиться только в петербургский период его жизни. Следовательно, ответ на поставленный вопрос должен звучать однозначно, хотя и осторожно:

1. Тиняков мог знать халдейский язык и клинопись в период своей жизни в Петербурге. Однако кроме мемуаров Г. Иванова никаких дополнительных свидетельств этого мы не имеем.

2. Но он не мог знать халдейского языка и клинописи во время написания панегирика Тиглатпаласару I, т. е. в период с 1907 по 1912 г. Об этом свидетельствуют источники стихотворения и сам его текст.

Хочется, однако, закончить нашу заметку не утверждением, а вопросом. Мимо ассириолога не могут пройти два мелких текстологических факта. Во-первых, в стихотворении и в комментарии дед Тукультипалешарры назван Мутаккильнуску, в то время как у Масперо и Рагозиной он Мутаккилнуску. Тиняков откуда-то знал о палатализации /l/ в семитских языках! Во-вторых, в комментарии отец царя назван Ашшурришиши (более правильно Ашшур-реш-иши, но в то время так еще не читали), в то время как у Масперо и Рагозиной он Ассуррисиси. Тиняков знал правильное чтение последнего знака IGI как šī, а не šī! Откуда же такое хорошее знание аккадской филологии у человека, не знавшего, как устроена клинопись? Полагаю, что поэт не открыл всех русскоязычных источников своего стихотворения. В первом случае источником могла быть книга Ф. Гоммеля «История Древнего Востока»

(СПб; 1905). Там дед царя назван именно Мутаккильнуску (с. 88). Впрочем, отец назван по-старому — Ашшуррисиси. И это означает, что какие-то дополнительные русскоязычные источники, подсказавшие поэту на стадии комментария верное чтение имени царя, нам по-прежнему не известны.

Список сокращений

Бальмонт, 1908	<i>Бальмонт К. Д.</i> Зовы древности. СПб., 1908.
Дьяконов, 1951	<i>Дьяконов И. М.</i> Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // Вестник древней истории. 2 (1951).
Иванов, 1994, 3	<i>Иванов Г.</i> Собрание сочинений. Т. 3. Мемуары. М., 1994.
Масперо, 1895	<i>Масперо Г.</i> Древняя история народов Востока. М., 1895.
Рагозина, 1902	<i>Рагозина З. А.</i> История Ассирии. От возвышения ассирийской державы до падения Ниневии. СПб., 1902.
Тиняков, 1912	<i>Тиняков А.</i> Navis nigra. М., Гриф, 1912.
Тиняков, 1998	<i>Тиняков (Одинокий) А.</i> Стихотворения. Томск, 1998.
IR	<i>Rawlinson H. C.</i> Cuneiform Inscriptions of Western Asia. London, 1862.
RPI	<i>Sayce A. H.</i> Records of the Past. Vol. I. London, 1888.

Примечания

- ¹ Сердечно благодарю филолога и библиографа Александра Львовича Соболева за внимательное чтение этой статьи и за некоторые дополнения историко-библиографического характера, вынесенные в примечания.
- ² Цитируя воспоминания Г. Иванова, стоит оговорить, что они имеют полубеллетристический характер и используются в качестве исторического источника с большой осторожностью.
- ³ «Фон А.» в цитате — Б. В. Анреп.
- ⁴ «Тетрадь 9» — не устоявшееся в науке наименование, а лишь сокращение в ботомоловском издании стихотворений Тинякова.
- ⁵ Первый интерес Тинякова к истории древности документирован в первой половине 1907 г. (с чем, вероятно, и связано обращение его к египетской теме). 10 июня 1907 г. он писал: «Теперь несколько слов о себе. В последнее время я прочел кое-что из истории древнего мира, занимался изучением славянской мифологии; теперь думаю заняться основательным изучением греческой культуры и языка» (письмо Ходасевичу 10 июня 1907 г., РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1). Наверное, стоит сказать, что в издательстве «Скорпион», репертуар которого Тинякову известен досконально, в 1905 г. выходит альманах «Северные цветы ассирийские», который поневоле мог привлечь его внимание к этой теме. *Информация А. Л. Соболева.*
- ⁶ *Бальмонт К. Д.* Зовы древности. СПб., 1908. С. 206.

К истории отношений А. Тинякова и М. Зощенко

- ⁷ Рагозина З. А. История Ассирии. От возвышения ассирийской державы до падения Ниневии. СПб., 1902. С. 377–378.
- ⁸ Любое упоминание Лилит в символистской и постсимволистской поэзии почти непременно восходит к решению этого образа у Ф. Сологуба, для которого она — один из центральных персонажей в лирике и прозе.
- ⁹ Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. Томск, 1998. С. 4.
- ¹⁰ У русской Иштар уже тоже была к этому времени приличная традиция — возможно, актуализированная для Тинякова в первой книге его (впоследствии) доброго знакомого Александра Кондратьева, большого знатока ассирийских дел. (Стихотворения А. К. СПб., 1905). Здесь содержится не только стихотворение «Ассирийская песня», но и «Отрывки из древнеассирийской эпической поэмы об Издубаре». Обстоятельный и вдумчивый Кондратьев мог послужить источником библиографии для Тинякова (Брюсов его стихи в рецензии обругал, но в основном за художественные качества, сам же в рецензии цитировал ассирийский эпос большими кусками). Кроме того, стихотворение «Истар» есть у Бунина (1907?), но читал ли его Тиняков — Бог весть. *Информация А. Л. Соболева.*
- ¹¹ Тиняков А. (Одинокий). Стихотворения. Томск, 1998. С. 12.

Как известно, Михаил Зощенко в 1920–1930-е гг. получал сотни писем от безвестных граждан читателей с самыми разными просьбами, предложениями, отзывами на книги и т. д. Одно из них, написанное поэтом Александром Ивановичем Тиняковым (1886–1934)¹, предлагается вниманию читателя настоящей заметки. Знакомство М. Зощенко и А. Тинякова состоялось, по-видимому, в начале 1920-х гг. в Доме Искусств.

Трагическая судьба поэта и литератора, который стал нищим и с 1926 г. ежедневно выходил за милостыней на улицы Ленинграда, необычайно волновала М. Зощенко². В психоаналитической повести «Перед восходом солнца» он вспоминает о трех встречах с Тиняковым и подробно описывает одну из них: «Я помнил его еще до революции, в 1912 г. И потом я увидел его через десять лет. <...> Вся мишура исчезла, ушла. Все возвышенные слова были позабыты. Все горделивые мысли были растеряны. <...> Теперь вместо улыбки был какой-то хищный оскал. Порывшись в своем рваном портфеле, поэт вытащил тоненькую книжечку, только что отпечатанную. Сделав надпись на этой книжечке, поэт с церемонным поклоном подарил ее мне. Боже мой, что было в этой книжечке!»³. Возможно, этот эпизод относится не к 1922, а к 1924 г., так как далее Зощенко цитирует стихи из книжки Тинякова «Его sum qui sum (Аз есмь сущий)» (1924), имевшейся в библиотеке писателя с дарственной надписью: «Михаилу Михайловичу Зощенко с уважением и приветом. Ал. Тиняков. 1. XI. 1924»⁴. Нищенство Тинякова являлось наглядной иллюстрацией и воплощением скрытых страхов Зощенко. Анализ и попытке преодоления в числе других и фобии нищих посвящена значительная часть повести «Перед восходом солнца»: «Я встретил Т. год спустя. Он уже потерял человеческий облик. Он был грязен, пьян, оборван. Космы седых волос торчали из-под шляпы. На его груди висела картонка с надписью: “Подайте бывшему поэту”. <...> Я мог страшиться такой судьбы. Мог страшиться таких чувств. Такой поэзии. Я мог страшиться образа нищего»⁵.

Подробные, хотя и, как кажется, с несколько смещенным акцентом воспоминания о негодовании Зощенко при встрече с Тиняковым, оста-